

Въ концѣ двадцатыхъ годовъ нашего вѣка идея монархіи казалась пережиткомъ. Ея возрожденіе проглядѣли даже сторонники фашизма, не дооцнившіе значеніе Савойскаго Дома для судьбы новой Италіи. Когда мы говоримъ, что монархическая власть — самая передовая власть, мы имѣемъ въ виду, что въ 30-хъ, пятидесятыхъ годахъ безъ нея нельзя будетъ обойтись. Эволюція социальной и политической жизни всего міра ведетъ насъ къ единовластію, о чемъ свидѣлствуютъ нынѣшніе зародки деспотизма. Самый же ростъ единовластія и его

раціоналізація неизбежно приведутъ къ наслѣдственности верховной власти.

Сторонники національнаго Русскаго возрожденія, сознающіе необходимость всенароднаго примиренія и всенароднаго единства, не могутъ не склониться передъ идеей наслѣдственной монархической верховной власти, потому что эта идея выражаетъ синтезъ націи и возвышается надъ всѣми частными, групповыми и сословными интересами. А въ пореволюціонной Россіи нужна именно такая власть.

Александръ Каземъ-Бекъ.

Россія насъ ждетъ

Бываютъ такіе моменты боя, когда малый, кажущійся совсемъ незначительнымъ резервъ можетъ и долженъ сыграть рѣшающую роль. Въ положеніи такого резерва оказывается теперь наша Русская эмиграція.

Въ Россіи идетъ рѣшительный бой, не только между большевической властью и всѣми сопротивляющимися ей, а между всѣми силами зла и всѣми силами добра. Отъ результата этой борьбы зависитъ — быть Россіи или не быть.

И вотъ теперь, когда рѣшаются судьбы нашей Родины, всѣ истинно Русскіе люди здѣсь, за рубежомъ, должны осознать трагичность момента и понять, что каждый пропущенный день, быть можетъ, — непоправимая потеря, что «промедленіе времени смерти безвозвратной подобно».

Никто не имѣетъ права ждать, рассчитывать на кого-то другого. Каждый, любящій Россію превыше всего долженъ проявить личную инициативу и наперечдъ до крайняго предѣла всю свою энергію. Въ первую голову этотъ долгъ ложится на младшее поколѣніе эмиграціи, у котораго не истощены еще моральные и физическія силы. Эти силы должны быть посвящены служенію Родинѣ. Все молодое должно стать сейчасъ единымъ фронтомъ, отметнувъ всякую рознь.

Именно намъ, молодымъ, это возможно, такъ какъ намъ легче сговориться и цѣль у насъ одна — могучая Россія.

Владиміръ Леонтьевъ.

Движеніе протеста и Русская Церковь

Никогда еще религіозное положеніе въ Россіи не привлекало въ такой степени всеобщаго вниманія, какъ это мы видимъ въ настоящее время. Движеніе протеста противъ религіозныхъ преслѣдованій въ Россіи охватило, не только весь религіозно настроенный міръ, но также въ извѣстной степени и тѣ круги, которые къ религіи, какъ таковой, сочувственно совсемъ не относятся.

Это явленіе настолько значительно, что къ нему нужно отнестись въ высшей степени серьезно. Проявившемуся теперь обостренному вниманію широкимъ и разнообразнымъ иностраннымъ кругомъ къ тому, что творится въ Россіи не нужно дать погаснуть.

Мы, находящіеся въ эмиграціи Русскіе люди, должны и можемъ многое сдѣлать для того, чтобы пронувшиіи интересъ къ Русскимъ дѣламъ не только не ослабѣлъ, но даже еще болѣе усилился и, чтобы онъ направился по правильному руслу. Намъ нужно добиться того, чтобы это широкое движеніе дѣйствительно принесло пользу Россіи и помогло ей освободиться отъ коммунистической диктатуры.

Особенно внимательно мы должны относиться къ вопросу о помощи страждущей Русской Церкви. Тутъ нужно проявлять очень большую осторожность, чтобы своими дѣйствіями не дать лишняго оружія въ руки гонителей, всѣчески стремящихся доказать, что Церковь служитъ не религіознымъ, а чисто политическимъ цѣлямъ.

Примѣромъ особенно бережнаго отношенія къ Русской Церкви, связаннаго съ безкорыстнымъ стремленіемъ дѣйственно помочь ей, является позиція, занятая Англиканскою Церковью, нашедшая свое наиболѣе полное выраженіе въ послѣднемъ выступленіи Архіепископа Кентерберійскаго въ Палатѣ Лордовъ (2-го апрѣля с. г.). Англиканской Церкви за ея любовную, горячую и безкорыстную заботу о судьбѣ нашей церкви мы должны быть особенно благодарны.

Болѣе подробно о движеніи протеста и о томъ какъ оно вліяетъ на внутрирусское положеніе, будетъ сообщаться въ дальнѣйшихъ номерахъ «Младоросса».

Кирилъ Шевичъ.

Французскій „неороялизмъ“

Несмотря на то, что послѣдняя эпоха исторіи нанесла, казалось бы, сокрушающій ударъ идее монархіи, вопросъ о монархіи далеко еще не снятъ съ очереди даже въ такихъ классическихъ республиканскихъ странахъ, какъ современная Франція, гдѣ за послѣдніе годы число сторонниковъ «Аксіонъ Франсэзъ» все увеличивается въ особенности среди молодежи. Движеніе это, приспосабливаясь бурнаго національнаго пафоса и по духу своему прогрессивное,

учитывающее сложность и разнообразіе условий современной государственной жизни, представляетъ для насъ, Русскихъ, большой интересъ. Оно показываетъ, чего ждетъ отъ монархіи современный, разочаровавшійся въ своей республикѣ французъ. Большой матеріалъ въ этомъ отношеніи даетъ книга Шарля Морраса («L'enquête sur la monarchie»), гдѣ онъ приводитъ свидѣтельства многихъ выдающихся людей Франціи.

Вот, например, свидетельство знаменитого писателя Поля Бурже, который заявляет, что, по его мнению, «монархия является единственной формой правления, соответствующей новейшим данным науки». «Очень знаменательно», — говорит он, — «что идеи, которые вызвали в свое время революцию, оказываются теперь противоречащими тем же принципам, которые современная наука, на основании данных опыта признала законами политического здоровья. Таковы, например, закон непрерывности эволюционных явлений жизни, который, если его приложить к социальным организмам, окажется прямо противоположным идее народного суверенитета, основанной на численном превосходстве. Если источник верховной власти — в сегодняшнем большинстве, то страна не имеет возможности развивать последовательную и длительную деятельность».

«Другой закон развития жизни», — продолжает Бурже, — «это — закон отбора, то-есть установленной наследственности, которому в области социальной ничто так же противоречит, как равенство... Это совпадение монархической доктрины с истинами, ныне признанными наукой, является одним из утешительных фактов переживаемой нами печальной эпохи. Значение этого факта не меньше, чем было в свое время значение созвучия республиканского образа правления с философией Руссо... Программа монархистов является поэтому, по мнению Поля Бурже, «самой широкой, самой разумной и самой обоснованной из всех тех программ, которая ныне предлагается добрым французам».

Вот главные пункты этой программы:

- 1) Наследственность верховной власти — ее сила и постоянство, соответствующая (параллельная) сила и постоянству нации;
- 2) Уничтожение парламентаризма, несовместимого со свободой и ответственностью монарха;
- 3) Децентрализация: территориальная, административная, профессиональная, религиозная.

«Монархия», — говорится в программ, — «будучи явлением постоянным, дает постоянно все то, что ее окружает, так как всей своей силой она обеспечивает действительность своих мероприятий. Поэтому она без риска может быть смелой и, несмотря на образ, даже дерзновенной. Республиканская власть, напротив, — власть слабая, по самой своей природе. Это — власть кратковременная и изменчивая, в силу своей коллективности. Предель, ею устанавливаемые, рамки, ею создаваемые — непрочны и постоянно колеблются. Ей свойственно подаваться воздействию стихийных безответственных сил. Она всегда заходит дальше, чем того желала. Приходится опасаться ее малей-

ших починов, ибо все с ее стороны опасно, все подозрительно». Республика не может возвыситься над задачами дня до понижения задач государственной жизни в ее целом, на что способна только монархия.

Из вышеуказанных трех пунктов программы наиболее интересен третий, о децентрализации. «Только король», — говорится там, — «может одновременно поддерживать единство страны и давать волю национальным различиям. Он достаточно могуществен, чтобы защитить единство и спасти эти различия от их собственных злоупотреблений. Республиканское правительство, напротив, не может децентрализоваться, т. к. оно существует и управляет только при помощи централизации».

Это особенно злободневно для России, где, наличие большого количества различных национальностей с пробудившимися «самостоятельными» тенденциями, создало бы с падением большевистской диктатуры угрозу распада. Тут спасти единство государства может только монархия.

«Централизация», — читаем мы дальше в программ, — «является главной причиной упадка республиканского режима. Централизация — это означать (как бы мы то ни называли) возлагать на центральную власть всю ответственность. Но для того, чтобы справиться с этими ответственностями, власть должна поглотить все свободы и требовать для себя все авторитеты».

По словам Морраса, только монархия настоящим образом обеспечивает свободу и права граждан. «Гарантии, даваемая гражданину республиканским государством» («Декларация прав человека и гражданина»), — говорит он, — «абсолютно теоретическая; на практик он совершенно исчезает. Монархическая же система, уважая высшие права государства (которых республиканская теория не хочет признавать), дает гражданину гарантии практические, фактические, которые, хотя и не являются в теории ненарушаемыми, однако, на практик нарушаются с трудом. Свобода в республик является правом, но только правом, тогда как в национальной монархия она есть факт определенный, осязаемый». Моррас дает при этом свою схему, согласно которой государственный порядок состоит из двух элементов: авторитета и свободы, при чем в нормальном государстве наверху, в центр, должен господствовать авторитет, а внизу — свобода, согласно формуль: «L'autorité, en haut! Les libertés, en bas!» (тогда как в современной демократической республик это — наоборот).

Юрий Арсеньев.

Техника правительственного контроля

Среди всех функций правительственной власти одной из главнейших и наиболее деликатных, особенно при монархическом образе правления, является контроль за правильным образом действий местных органов самоуправления.

Техника этого контроля, направленного главным образом на то, чтобы постановления органов самоуправления не противоречили смыслу и духу общих законов, — всегда страдала коренным дефектом, так как самый принцип такого контроля, безусловно необходимого во интересах единства внутренней политики и единообразия применения законов, до сих пор недостаточно выяснен и разработан.

Это требование относится не только к практи-

к монархической России до революции, но и к современным конституционным и республиканским государствам. Среди многих примеров приведу один, наиболее рельефный: отсутствие согласованности, в этом отношении, в действиях отдельных штатов С.в. Америки, нельзя объяснить создательным применением — предоставить им максимальную свободу, т. к. эта несогласованность поощряет обход закона и допускает злоупотребления нередко в чрезвычайно существенных и жизненных областях, — что вряд ли желательно и допустимо.

Не есть ли это скорее доказательство того, что техника правительственного контроля далеко не совершенна и, что из двух зол выбрано то, кото-